

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БРУШЛИНСКИЙ

ПСИХОЛОГИЯ СОЗИДАНИЯ
(1933–2002)

Андрей Владимирович Брушлинский — выдающийся российский психолог, блестящий организатор науки, притягивавший и объединявший вокруг себя ученых, придерживающихся самых разных, иногда даже диаметрально противоположных взглядов. Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат премии им. С.Л. Рубинштейна Президиума РАН (1992) и премии Президента РФ (1998). Трижды избиравшийся на основе тайного голосования директор Института психологии РАН (1989–2002), главный редактор «Психологического журнала» (1988–2002), один из учредителей и академик Российской академии образования, член президиума Российского общества психологов.

За почти полвека творческой деятельности он разработал теорию мышления как прогнозирования, исследовал фундаментальные вопросы методологии и истории психологии, проблемы искусственного интеллекта, соотношения психологии и математики. Им разработан новый вариант системного подхода — континуально-генетический (недизъюнктивный) метод исследования человека как субъекта. На основе этого метода он создал целостный, оригинальный вариант психологии субъекта, а также чрезвычайно продуктивную научную школу, имеющую большое число сторонников и последователей.

Андрей Владимирович провел детство и юность в старинном московском доме на Плющихе, в котором жили еще его дед и бабушка. Дед, Константин Афиногенович Брушлинский,

был юристом, высокообразованным царским генералом. Как рассказывал Андрей Владимирович, еще до революции на процессе по делу революционера Н.И. Подвойского генерал Брушлинский вопреки ожиданиям начальства добился отмены смертного приговора. И очень вероятно, что впоследствии этот смелый поступок стал одной из причин того, что семья Брушлинских не пострадала от сталинских репрессий. Бабушка, Ольга Дмитриевна, была женщиной не только блестяще образованной, знавшей шесть иностранных языков, но и музыкально одаренной.

Отец Андрея Владимировича, Владимир Константинович, дожил до глубокой старости (1900–1992), он был известным советским философом, полиглотом, знавшим двенадцать языков. Мать, Варвара Платоновна Брушлинская (1899–1987), окончила в Москве Институт благородных девиц, получила образование историка, давала частные уроки французского языка.

В 1951 г. Брушлинский окончил с золотой медалью московскую среднюю школу № 34. В 1951 г. поступил и в 1956 г. с отличием окончил отделение психологии философского факультета МГУ. Большое влияние на формирование его научных взглядов оказали преподаватели МГУ П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Запорожец, Е.Н. Соколов.

В 1953–1960 гг. Брушлинский учился, а затем работал в секторе психологии Института философии АН СССР под руководством выдающегося психолога и философа С.Л. Рубинштейна. Встреча с последним стала судьбоносной в научной биографии Андрея Владимировича. Идеи

Рубинштейна, его личность, образ мышления целиком поглотили молодого психолога. Вероятно, потому что попали в унисон с его собственными размышлениями и стилем мышления. И это вопреки тому, что в те годы быть учеником Рубинштейна, за которым тянулся шлейф политических ярлыков («космополита» и др.), навешиваемых на него советскими идеологами и чиновниками от науки, было отнюдь не безопасно. Постепенно учение, обогащенное теоретико-экспериментальными знаниями и опытом, перешло у Андрея Владимировича в подлинное научное служение тому научному направлению, которое он развивал всю жизнь и истоки которого восходят к воззрениям С.Л. Рубинштейна.

В 1964 г. А.В. Брушлинский защитил кандидатскую диссертацию по экспериментальной психологии мышления «Исследование направленности мыслительного процесса». В 1972 г. в составе сектора психологии перешел в организованный Б.Ф. Ломовым Институт психологии АН СССР. В 1977 г. защитил там докторскую диссертацию по теоретической и экспериментальной психологии мышления «Психологический анализ мышления как прогнозирования».

Существенное значение в профессиональном становлении А.В. Брушлинского сыграли его однокурсники, ставшие впоследствии крупными психологами: О.А. Конопкин, В.Н. Пушкин, О.К. Тихомиров. С последним его связывали особенно тесные человеческие и профессиональные отношения. Олег Константинович и Андрей Владимирович родились в один день, 4 апреля 1933 г., учились в одной группе Отделения психологии философского факультета МГУ и полвека общались, дискутировали, обсуждали острые проблемы общей психологии, в частности психологии мышления. Их ожесточенные научные споры сопровождались остроумными выпадами, подобными фехтовальным уколам рапиры, впрочем, никогда не задевавшими личность оппонента. Основной причиной азартных принципиальных дискуссий, конечно же, была приверженность разным научным традициям — идущим от Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна.

Брушлинский на людей, мало знавших его, нередко производил впечатление суховатого, педантичного и явно эмоционально сдержанного человека. Однако такое ошибочное впечатление быстро исчезало у тех, кто хотя бы раз поговорил с ним. Андрею Владимировичу были присущи интеллигентность, впитанная с молоком матери порядочность и, наконец, какое-то никакими словами не передаваемое обаяние, «дух» коренного москвича, который уже почти не встречается в наше время. У него был полемический склад ума, сочетавшийся с неизменным интересом, какой-то неистребимой страстью к науке, о которой он мог рассуждать часами. В том числе и с молодежью, общение с которой доставляло ему особое удовольствие.

Притягательность его личности заключалась и в том, что всей своей жизнью он демонстрировал во многом недостижимые для других образцы поведения. И эти образцы относятся к тем главным сферам бытия, которые и делают человека человеком — интеллектуальной, нравственной, духовной. Брушлинский был настоящим российским интеллигентом и типичным лучшим представителем университетской профессуры. В нем было нечто, что, особенно в советские времена, отличало большинство преподавателей институтов от профессоров классических университетов. Это «нечто» трудно объяснить словами, однако главное отличие связано не с информационным уровнем познания и общения, а с умением передавать знания студентам. Многие знания со временем у студентов выветрились из памяти, но сохранилось главное — ощущение высокой духовности профессора Брушлинского (как бы ни понимали духовность разные люди). Одухотворяла его не только бескорыстная преданность науке, но и вера в людей, какая-то особая обходительность и доброжелательность в обращении с каждым человеком — от уборщицы и студента до академика и министра. Всё вместе и порождало в окружающих ощущение соприкосновения не только с незаурядной личностью, но и подлинным интеллигентом. Причем в суждении об интеллигентности ключевым оказы-

А.В. Брушлинский

вался не высокий интеллект (умных и интеллектуальных много), а, скорее, нравственное отношение к людям и отчетливо выраженная гражданская позиция, осознание себя гражданином России, ответственным за все, что происходит в твоей стране.

Одна из главных причин сочетания в нем таких человеческих качеств очевидна: Андрей Владимирович происходил из «благородного» семейства в том старом, из позапрошлого века, подлинном значении этого слова, которое мало кто сегодня способен понять в полном объеме и, так сказать, изнутри. Однако это не значит, что он был старомоден: некоторым «современным» коллегам архаичными казались его моральные установки, категорическое нежелание использовать повелительное наклонение в разговоре с подчиненными. Например, уже будучи директором Института психологии РАН, он никогда не «вызывал» сотрудников в свой кабинет, он всегда «приглашал». Отсюда и услышанная вскользь фраза: «Ну что это за директор, который в рабочий день, обязательный для посещения, звонит домой сотруднику и спрашивает, собирается ли тот быть сегодня в институте, и только после этого просит в 16 часов 15 минут зайти к нему?»

Однако внешняя мягкость и деликатность в обращении с людьми сочетались в нем с, видимо, унаследованной от предков удивительной твердостью и неуступчивостью в принципиальных вопросах. Этот невысокий человек с юношеской фигурой гимнаста был похож на андерсеновского стойкого оловянного солдатика. Твердость в отстаивании научных принципов проявлялась у него смолоду. По рассказам жены Брушлинского Тамары Константиновны — психолога и его однокурсницы в МГУ — сначала он очень увлекался теорией П.Я. Гальперина. Потом, когда в библиотеках был снят запрет на открытый доступ к трудам Л.С. Выготского, Андрей Владимирович на несколько лет углубился (почти в прямом смысле этого слова) в кропотливое изучение и вдумчивый анализ работ этого незаурядного мыслителя. Результатом анализа стала его первая книга, являющаяся сегодня библиогра-

фической редкостью: «Культурно-историческая теория мышления» (М., 1968). Однако поскольку Брушлинский во многом не соглашался с Выготским и всегда публично говорил об этом, то Василий Васильевич Давыдов, по-человечески ценивший и очень неплохо относившийся к Андрею Владимировичу, называл его «ниспровергателем Выготского».

Он умел принимать решения, но был не импульсивно, а продуманно решительным человеком. Обычно он долго и тщательно готовил трудные решения, но уж подготовив, старался идти до конца, не думая о неприятных последствиях лично для него. Вместе с тем он имел обыкновение неоднократно спрашивать близких ему людей, не видят ли они каких-то подводных камней для института в предлагаемом им решении. Это упорство в достижении цели всегда поражало окружающих. И хотя это не имеет прямого отношения к непьющему Андрею Владимировичу, некоторые знакомые

не могли удержаться от того, чтобы в шутку сказать ему, что одну из главных черт его характера можно выразить словами В. Высоцкого: «Если я чего решил, то выпью обязательно». Он только иронично улыбался в ответ.

В зрелом возрасте Брушлинский совершал поступки, которые со всей очевидностью могли неблагоприятно отразиться на его карьере. Андрей Владимирович был одним из немногих, кто в середине 90-х гг. решительно, преодолевая сопротивление чиновников от науки, выступал за выделение гуманитарных наук в самостоятельный фонд, т.е. за отделение РГНФ от РФФИ. По принципиальным соображениям в РАН он высказывал точку зрения, которая явно шла вразрез с мнением многих членов академии, в том числе и руководящих.

Он был трезвым и современным человеком, совершающим поступки в реальном научном сообществе. Люди есть люди: некоторые через какое-то время на выборах в РАН подходили к нему и говорили, что голосовали за него, уважая его последовательность и принципиальность. Другие, к сожалению, и после смерти не могут простить его за нонконформизм и отстаивание личной точки зрения (к слову сказать, она выражала мнение десятков психологов, не имевших права голоса в РАН).

Научные взгляды А.В. Брушлинского за полвека творческой деятельности значительно эволюционировали. Эволюция не означает последовательного перехода от исследования одних проблем и использования одних методов к другим. Например, от микросемантического анализа мышления к макроаналитическому способу познания психического. Конечно же, такая последовательность была: даже беглый просмотр списка публикаций Андрея Владимировича сразу дает представление о том, что большинство работ о соотношении природного и социального в детерминации психики вышли из печати раньше, чем результаты исследований проблем выбора при решении нравственных задач или сопоставления философско-психологических взглядов С.Л. Рубинштейна и

С.Л. Франка. Вместе с тем Брушлинский был большим ученым, не только чутко улавливающим парадигмальные изменения в структуре и методах психологического знания, но и способным устранять, казалось бы, непреодолимые противоречия между ними. Основой такой способности для него стали «сквозные» фундаментальные проблемы. Их многолетнее обдумывание дало ему возможность рассмотреть их с классических, неклассических и постнеклассических позиций, а также осознать достоинства и недостатки присущих каждой из названных парадигм типов рациональности. Соответственно, оказалось, что многие проблемы могут быть предметом анализа, включающего одновременное использование разных способов рациональных рассуждений. Среди проблем, остававшихся в фокусе его внимания многие годы, были следующие: вопрос о наследственных предпосылках психического развития, соотношении биологического и социального в развитии личности; принцип детерминизма, соотношение внешних причин и внутренних условий в детерминации психики; проблема дискретности — недизъюнктивности и непрерывности организации психических процессов; проблема общественного — индивидуального в психике человека и культурно-историческая теория мышления; мышление как процесс и проблема деятельности; идущие от С.Л. Рубинштейна исходные положения субъектно-деятельностной теории и проблема субъекта в психологической науке; наконец, психология субъекта как целостная область психологического знания, психология созидания, ориентированная на анализ таких ценностей, как свобода, духовность, нравственность, гуманизм. Именно в постнеклассической психологии субъекта в сконцентрированном виде отражена тематика всех предыдущих исследований Андрея Владимировича.

Типичной проблемой, казалось бы, явно классической по своей сути, для Брушлинского стал вопрос о наследственных предпосылках психического развития человека. Логика решения сна-

чала привела его к постановке проблемы биологического и социального, в которой в зародыше уже содержалась вся линия развития субъектно-деятельностного подхода и контуры психологии субъекта. Творчески развивая теорию своего учителя С.Л. Рубинштейна, Брушлинский полагал, что общение, совместная деятельность людей, вообще социальное видоизменяют и развивают биологическое, природное в человеке. Разнообразные виды активности, включающие деятельность, общение, созерцание, совокупность отношений к себе и другим, совокупность гносеологической, природной и социальной характеристик определяют субъективные способы существования психического как процесса. Субъектность оказывается сущностной характеристикой психического, сопоставимого с биологическим и социальным.

Последний период творчества А.В. Брушлинского, во время которого он фокусировал свое внимание главным образом на проблемах психологии субъекта, характеризовался «экспансией» его исследований в такие области, которые некоторые считали некорректно исследовать психологическими методами. На самом деле его интерес к проблемам демократии, тоталитаризма, свободы просто отражал обращение к иным ценностно-смысловым контекстам, соответствующим постнеклассическому способу мышления.

Эволюция научных взглядов ученого очевидна: с каждым годом для него все более значимыми и интересными становились закономерности формирования вершинных проявлений психологии субъекта — духовности, нравственности, свободы, гуманизма. Он считал, что гуманистичность психологии неразрывно связана с духовностью, духовной деятельностью человека. Его научный подход расширяет горизонты наших представлений о человеке как нравственном и духовном субъекте. Понятие духовности играло чрезвычайно важную роль в мировоззрении Андрея Владимировича. Он не сводил духовность к религиозности и не переставал подчеркивать, что дух, душа,

духовное являются не над-психическим, а различными качествами психического как важнейшего атрибута субъекта. Однако он всерьез задумывался о сущности души и духовного Я субъекта и в этом контексте сравнивал основания научно-психологического и религиозного знания. Не удивительно, что он написал очень глубокую и интересную статью о незаурядном российском религиозном мыслителе С.Л. Франке.

А.В. Брушлинский завершил свою жизнь целой серией трудов, достойных большого ученого. В них представлен целостный, оригинальный и сформированный вариант психологии субъекта. Принципиальная новизна психологии субъекта заключается главным образом в трех основных положениях: в значительном расширении представлений о содержании активности как фактора детерминации психики; в переходе от микросемантического к макроаналитическому методу познания психического; в целостном системном характере исследования динамического, структурного и регулятивного планов анализа психологии субъекта. Сегодня психология субъекта является методологической основой эмпирических исследований проблем понимания человеческого бытия. Например, изучения онтогенетически ранних этапов становления человеческой субъектности; исследования соотношения характеристик индивидуального и группового субъектов; субъект-субъектных и субъект-объектных типов понимания высказываний в межличностном общении; анализа когнитивных и экзистенциальных составляющих самопонимания субъекта, а также многих других интересных и перспективных направлений психологических исследований.

Андрей Владимирович внезапно ушел из жизни тогда, когда был на взлете, пике творческой активности. Он многое мог бы еще сделать, но теперь нам остается только вчитываться и вдумываться в его творческое наследие!

В.В. Знаков